

Над чем смеетесь? Над пустотой смеетесь!

Андрей Антонов

Музыканты записали восемь романсов и песен и два вокальных цикла Мусоргского. Тщательная работа исполнителей над деталями, глубокое проникновение в душу музыки заслуживают подробного разговора.

Даже десятки разговоров — по количеству записанных шедевров. Но ограничимся более или менее подробным рассмотрением одной исполнительской концепции — песни «Блоха».

Всякой эпохе — свой дьявол. В трагедии Гете «Фауст» дьявол более или менее романтический. Так сказать, воплощение принципа романтической иронии. Гете предвосхитил «Крошку Цахеса» Э. Т. А. Гофмана: как и Цахес, его Блоха — мерзкое мелкое существо, которому подобострастно поклоняются окружающие.

Русские в том же XIX веке с дьяволом более почтительны. Писатель Леонид Андреев, слушая «Блоху» у Шалапина, описывает его исполнение как нечто мифистифельское, двусмысленно-грозное, демонически-непостижимое. «Это дьявол — скорее прочь от него!»

Заслуженный артист России Антонов поет «Блоху» не от лица Мефистофеля. Антонов, скорее, иронический лицедей, изображающий то неотесанного мужлана-портного, то напыщенного короля, то жеманных фрейлин. Изображает он их мельком, походя, одной интонацией. А как их еще изображать? Они так же мелки, как и главная героиня «Блохи», полтакта промелькнуло — и нет их!

С этими мелкими насекомыми Антонов возится, приставив к глазу окуляр микроскопа. Как комментатор, отпускающий саркастические намеки...

Стала я считать детали в записи «Блохи». Насчитала за три минуты тридцать. Вот не ожидала, что в записи прослушивается столько деталей! В живом концертном исполнении добродушно-зловещую песню Мефистофеля в погребке Ауэрбаха Андрей Антонов обыгрывает актерски — и отразит в этом. Но на диске, в этой банке с музыкальными консервами, свежесть

Знаковое событие самарской музыкальной жизни — появление диска двух выдающихся музыкантов: солиста Самарского академического театра оперы и балета заслуженного артиста России Андрея Антонова и дипломанта международных конкурсов Дмитрия Сибирцева. Запись диска произведена при поддержке правительства Самарской области.

исполнительской концепции почти не пострадала. Песня производит впечатление театральной сценки. Даже нескольких. Жесты и мимику с успехом заменяют тембр и интонация. И пианист, Дмитрий Сибирцев, выступает «режиссером» этого спектакля, поставленного в записи. Он тоже всматривается в микроскопические подробности блошиного телосложения, расслаивает спонтанный мир фортепианного аккомпанемента на 22 сценки.

«Жил-был король», — со смиренным поклоном сообщает певец. А композитор добавляет: король-то — наш исконный. Рояль предваряет песню русской песенной интонацией — сказочный русский царь-батюшка восседает на расписном троне. Намек?

«Когда-то», — уточняет Антонов, вполголоса, в сторону. Чтобы мы не приняли старину за злобу дня. Не знаю, как там при Гете, купавшемся в привилегиях, не знаю, как при Мусоргском — но современный отечественный мусорголюб все на свой счет принимает.

При нем блоха жила.

Блоха... Блоха...

Блоха тоже русская. Исконно-фольклорная, из протяжной песни пришедшая.

... Милей родного брата

Она ему была.

Да мы и по музыке догадываемся: король с блохой — скорее всего, родные братья и есть. Уж больно они похожи!

Блоха... ха-ха-ха-ха-ха... Блоха.

Ха-ха-ха-ха-ха... Блоха! —

зажав блоху между пальцами, рассматривает ее с разных сторон Антонов. Три стороны рассмотрел, три разные интонации поразному осветили насекомое. Рассмотрев, мифистифельски хохочет. И в хохоте этом каскадом рассыпаются блохи.

Зовет король портного:

— Послушай, ты, чурбан!

«Бабачит и тычет» — про другого короля, современного, написал как-то, с риском для жизни, Манделштам. Вот и гетевский Король «бабачит и тычет». Как он величественно и пренебрежительно портного чурбаном обзывает! Голос ясно передает жест: король, судя по всему, портного носом в стол тычет.

Для друга дорогого

Шшей бархатный кафтан!

Своим чудным бархатным басом Антонов нарисовал бархат костюма, своим драгоценным тембром очертил всю степень любви к «дорогому другу». Ну, мы-то знаем, кого сильные мира сего себе в «дорогие друзья» выбирают!

Блохе кафтан? Ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Блохе? Ха-ха-ха-ха-ха. Кафтан!

Ха-ха-ха-ха-ха. Ха-ха-ха-ха-ха.

Блохе кафтан...

— а это уже голос «чурбана».

Вот в золото и бархат

Блоха наряжена,

И полная свобода

Ей при дворе дана...

И это чудовище Антонов в начале песни ухитрился между двумя пальцами зажать! Мелкое, ничтожное насекомое раздувается до колоссальных размеров.

Рояль отзывается торжественным колокольным звоном — коронация Бориса Годунова, не иначе!

Король ей сан министра

И с ним звезду дает,

За нею и другие

Пошли все блохи в ход.

Торжественным маршем вышагивают блохи.

И самой королеве

И фрейлинам ея

От блох не стало мочи,

Не стало и житья.

Ишь как они расскакались, фортепианная партия рассыпается иронической токкатой. А Антонов, распевая «не стало мо-о-о-о-чи», не прибегая к помощи жестов (это все же не видеозапись!), одной лишь интонацией изображает нещадно кусающихся блох, а также и фрейлин, которые изгибаются, тянутся — почесаться в труднодоступных местах.

И тронуть-то бояться,

Не то чтобы их бить.

А мы, кто стал кусаться,

Тотчас давай — душить!

Это кульминационное «душить» — как он его выкрикивает! Но торжествующий вопль тут же переходит в неуверенность, в вопрос, и раскаты дьявольского смеха гложут... Это же сцена под Кромами из «Бориса Годунова»! Русский бунт, бессмысленный и беспощадный! Самарский музыковед Алексей Васильевич Фере по поводу Мусоргского заметил, что русские бунтари приходят в конце к знаку вопроса, к пустоте. Сожгли себя расколоники в «Хованщине» — ну и что? И «Борис Годунов» уходит в бессмысленную пустоту, в горькие причитания Юродивого. Саркастическое «ха-ха-ха» «Блохи» вот-вот перейдет в хаос самым естественным образом, рухнет в неопределенность русской истории.